

Оглавление

Глава первая. Петтигрю отправляется на север	5
Глава вторая. Рождение сюжета	12
Глава третья. Дело Бленкинсопа	27
Глава четвертая. Благородный поступок в столовой	40
Глава пятая. Встреча в «Бойцовом петухе»	54
Глава шестая. Вопрос о страховке	72
Глава седьмая. Ответ на письмо	82
Глава восьмая. Шум в коридоре	90
Глава девятая. Действие начинается	103
Глава десятая. Свистящий чайник	122
Глава одиннадцатая. Пропавший доклад	134
Глава двенадцатая. Предварительное разбирательство и после него	154
Глава тринадцатая. Обсуждение	173
Глава четырнадцатая. Полицейское расследование . . .	187
Глава пятнадцатая. Мисс Браун и мистер Филипс	207
Глава шестнадцатая. Иделман, Вуд и Рикаби	224
Глава семнадцатая. Озарение в Истбери	243
Глава восемнадцатая. Разъяснение в Марсетт-Бее	264
Глава девятнадцатая. Завершение	279

Глава первая

ПЕТТИГРЮ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА СЕВЕР

Фрэнсис Петтигрю угрюмо смотрел через окно своей адвокатской конторы в Темпле* на деревья вдоль Эмбанкмента** и серое мерцание реки за ними. Пейзаж никак нельзя было назвать непривлекательным, однако его он не радовал. Петтигрю был человеком консервативного склада и за двадцать лет привык видеть из этого окна мягкого красного цвета кирпичную стену в двадцати шагах от себя. Два месяца назад фугасная и несколько зажигательных немецких бомб открыли обзор, разрушив кирпичную стену и два квартала домов, скрывавшихся за ней. В первый раз с того време-

* Т е м п л (от *англ.* temple — храм) — комплекс зданий в Лондоне, где располагаются инны — судебные корпорации адвокатов, имеющих право выступать в высших судах. Построен на месте, где в XII—XIV веках жили рыцари-тамплиеры и где стоял их храм. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Принятое в разговорной речи сокращенное название набережной Виктории (Victoria Embankment) — одной из наиболее красивых набережных Лондона; расположена между Вестминстерским мостом и мостом Блэкфрайарз.

ни как были построены, здания Темпла оказались у всех на виду. Петтигрю считал, что в этом есть нечто неприличное.

Вздохнув, он повернулся к человеку, стоявшему у него за спиной.

— Ну вот, — сказал он, — теперь на некоторое время это — твое. Если не считать пробоины в потолке, помещение неплохо сохранилось. Тем не менее будь осторожен с книгами. Некоторые из них весьма грязны. Особенно Мизон и Уэлсби вон там, в углу, на них просыпалось больше всего сажи из дымохода в соседней комнате. И разумеется, там-сям можно напороться на стекло. Полагаю, ты не собираешься перевозить сюда много своих книг?

Мужчина усмехнулся и ответил:

— О нет, совсем немного. А точнее сказать, только один том Хэлсбери. Я случайно прихватил его с собой в тот первый ночной налет. Это едва ли не единственная реликвия, сохранившаяся от блаженной памяти помещения суда Малберри. Очень любезно, что ты предоставил свою контору в наше распоряжение. Не представляю, что бы мы делали, если бы...

— Ни слова более, старина. Это ты окажешь мне любезность тем, что не дашь выстыть помещению, пока я буду отсутствовать.

— Когда ты уезжаешь?

— Сегодня же, как всегда. Я чувствую себя немного глуповато, начиная новую карьеру в моем

возрасте, но, похоже, там я действительно нужен и не считаю себя вправе отказаться.

— А что именно за работа тебя ждет? Полагаю, она имеет отношение к одному из этих министерств?

Петтигрю напустил на себя чрезвычайно важный вид.

— Контрольное управление мелкой продукции, точнее, булавок, — ответил он торжественно и добавил: — Когда-нибудь слышал о таком?

— Э-э... кажется, что-то слышал. Оно контролирует производство и торговлю всякой мелочью, полагаю?

— Насколько я мог понять, это весьма неточное описание его деятельности. Джентльмен, который беседовал со мной при приеме на работу, — а он был, заметь, ни больше ни меньше как заместитель помощника самого начальника управления, — дал мне понять со всей определенностью, что от деятельности управления зависит вся... Я забыл, как он выразился, но, уверяю тебя, это произвело на меня глубочайшее впечатление, я хотел сказать, впечатление, превышающее масштабы мелкой продукции. И как юрисконсульт управления я буду представлять собой в некотором роде влиятельное лицо. Ты мог бы это понять, если бы потрудился заглянуть в шедевр развлекательной литературы под названием «Регламент ограничительных мер Управления мелкой продукции» от 1940 года, но я не советую тебе этого делать без крайней надобности.

— Не возьму в толк, почему ты не можешь консультировать их отсюда, из Темпла.

— Честно признаться, я тоже. Но Контрольное управление мелкой продукции базируется в Марсетт-Бее, туда я и направляюсь.

— Марсетт-Бей. Дай-ка подумать, где же это?

— Не ломай голову. Это где-то в районе Полярного круга, насколько я себе представляю. В самой глубинке. Нет, даже хуже — на самом краю того, что Шекспир назвал нашим «островом зубчатым Альбиона»*. Так или иначе, билет у меня в кармане, и если я не двинусь в путь сейчас же, то опоздаю на поезд. До встречи, старина. Присматривай за конторой. Если камин начнет дымить, что всегда случается при восточном ветре, лучше всего поднять дальнее окно дюймов на шесть и оставить дверь чуть приоткрытой. Тогда весь дым пойдет в соседнюю комнату, где работают клерки. Увидишь, это очень помогает, если, конечно, за дверью тебя не ждет особо важный клиент. Я напишу тебе и расскажу, как у меня дела. Могу даже прислать карту образцов мелкой продукции, обращающейся на черном рынке.

В отличие от большинства людей, обещающих писать и рассказывать о своих делах, Петтигрю сдержал слово. Не прошло и двух недель по-

* Уильям Шекспир. Генрих V. Акт 3, сцена 5. Перевод Е. Бируковой.

сле его отъезда в Марсетт-Бей, как его арендатор получил первое письмо.

«Дорогой Билл, — говорилось в нем, — тебе когда-нибудь снилось, что ты живешь в мраморных хоромах? Если да, то мне нет нужды описывать тебе это место. Полагаю, оно было задумано первым и, к счастью, последним лордом Эглюисвровом как величественный храм наслаждения, и построил он свою пирамиду (в которую вполне вписались столы Контрольного управления мелкой продукции) как раз накануне войны. Для этого безобразного сооружения он выбрал поистине восхитительное, хотя и чертовски ветреное место на высоком берегу моря. Как мог человек серьезно намереваться жить в таком чванном великолепии, не представляю. Вероятно, это и невозможно. По крайней мере, его светлость умер через два месяца после того, как предпринял попытку, и с тех пор замок пустовал, пока какому-то гению не пришло в голову, что мраморные хоромы — идеальное место для обитания взводов машинисток, а бесконечные коридоры просто созданы для женщин-посыльных, чтобы бегать по ним, стуча каблуками, с папками или, того хуже, с чайниками в руках.

Мне выпала удача стать обладателем отдельной, умеренно тихой маленькой комнаты, предназначенной, как я догадываюсь, в качестве обители одному из слуг высшего ранга. В еще более тесной каморке рядом с моей расположилась моя секретарша. Она производит впечатление

вполне квалифицированного работника и, слава богу, не склонна к болтовне — то ли немая, то ли просто робкая, этого я еще не понял, и лицо у нее из тех, что, раз увидев, никогда не вспомнишь. Так или иначе, сравнивая ее с другими здешними дамами — а я никогда и представить себе не мог, насколько забито женщинами будет это место, — я имею все основания быть благодарным судьбе за мою мисс Браун.

Что касается прочих сотрудников заведения, у меня пока не было возможности в них разобратся. Разумеется, есть начальник управления. Он обитает в олимпийском уединении библиотеки лорда Эглуисврва. Думаю, он представлял бы собой вполне разумное человеческое существо, не будь он Высокопоставленным Государственным Служащим, на время одолженным министерством финансов для руководства этой аферой. Но как таковой он малодоступен. В труппе, подобной нашей, изобилующей дилетантами и временными работниками вроде меня, он редко кого хвалит и с очень немногими вообще разговаривает. Бедняга! Полагаю, в конце войны он получит за свой тяжкий труд орден Бани или нечто подобное, но это будет вполне заслуженно.

Единственно, с кем я успел познакомиться ближе, — это сотрудники, живущие в служебной гостинице, или пансионе, который приютил и меня. Все они представляют собой братство (или сестринство) адептов мелкой продукции, и я полагаю, что получу массу удовольствия, наблю-

дая за особенностями их поведения. Кроме мисс Браун, здесь имеется некое странное существо по имени Гонория Дэнвил, чья основная функция в управлении состоит в приготовлении чая — излишне говорить, что это самое важное событие рабочего дня. Мисс Дэнвил — заметно глуховатая пожилая дружелюбная дама, но, надо признать, определенно чокнутая. Еще есть мисс Кларк, горгона, которая управляет своим департаментом лицензирования с чудовищной эффективностью и которую я боюсь до смерти.

Что касается мужской части компании, то следует назвать препротивного малого по фамилии Рикаби, затем бывшего секретаря поверенного по фамилии Филипс — добропорядочного господина средних лет, который, подозреваю, имеет виды на мисс Б. (кстати, ты должен его помнить, ведь фирма «Мэйхью и Тиллотсонз», если не ошибаюсь, была вашим клиентом), а также существо в роговых очках, некто Иделман, которого я пока не раскусил, могу лишь сказать, что он чрезвычайно умен и превосходно играет в бридж.

Не буду утомлять тебя дальнейшими описаниями, упомяну лишь еще об одном весьма забавном открытии, которое я сделал. Скромный человек по фамилии Вуд оказался не кем иным, как писателем-детективщиком Эймиасом Ли. Уверен, что тебе попадалось кое-что из его писаний — порой довольно занимательных, хотя представления об уголовном судопроизводстве у него дикие. Очевидно, в течение некоторого времени он со-

хранил здесь свое инкогнито, поэтому смутился и покраснел до корней волос, когда я его разоблачил. Ему следовало бы присмотреться к местному колориту — прекрасный антураж для совершения убийства.

Кстати, это правда, что Барроуза-младшего прочат в Апелляционный суд? Мне казалось, что...»

Окончание письма представляло сугубо профессиональный интерес.

Глава вторая

РОЖДЕНИЕ СЮЖЕТА

Новость о том, что мистер Вуд пишет, вызвала живейший интерес среди обитателей пансиона «Фернли». Следует признать, что интерес этот не был ни в коей мере обусловлен знакомством с произведениями мистера Эймиаса Ли. Каждый член маленького коллектива тем не менее считал своим долгом по крайней мере как-то объяснить то, что не читал их. У мисс Кларк было «слишком мало времени для чтения», что при ее плодотворной сосредоточенности на том, чтобы заставить своих подчиненных работать максимально быстро, казалось немного удивительным. Вне работы она интересовалась только кинофильмами и не скрывала своего негодования по поводу того, что единственный в Марсетт-Бее кинотеатр мог позволить себе менять программу лишь раз в неде-

лю. Мисс Дэнвил, напротив, имела массу свободного времени для чтения. Ее редко можно было увидеть без книги, но это почти всегда была одна и та же книга — маленький томик в кожаном переплете. Прочесть название книги возможным не представлялось, однако по выражению, которое приобретало лицо мисс Дэнвил, когда она в нее углублялась, нетрудно было догадаться, что книга религиозная. Учитывая это обстоятельство, было лишь естественно, что она тоже понятия не имела ни о «Смерти на станции «Бейкерлоо», ни о «Загадке скрученного галстука», ни о других творениях Эймаса Ли. Но весьма неожиданно она искренне расстроилась по этому поводу.

— Когда-то мне очень нравились детективы, — объяснила она, — но теперь я перестала читать подобную литературу. — И она снова опустила взгляд в свою кожаную книжку.

Мисс Браун, когда ее спросили, только покачала головой, и ни у кого, тем более у скромного мистера Вуда, не хватило духа поинтересоваться причинами у особы столь юной, столь робкой и столь очевидно ошеломленной встречей с писателем во плоти.

Мужчины тоже, как выяснилось, не внесли своей лепты в авторские гонорары мистера Вуда. Мистер Иделман при упоминании псевдонима пристально посмотрел на его обладателя, пробормотал: «Боюсь, что нет» — и на этом закрыл для себя тему. Деликатный плешивый мистер Филиппс, стараясь быть вежливым, заявил, что на-

верняка читал его книги — он берет в библиотеке все детективы. К сожалению, он никогда не запоминает ни их названий, ни фамилий авторов. Ни, судя по всему, содержания. Мнения Рикаби по обсуждаемой теме услышать не довелось. В тот вечер он отсутствовал, чему его соседи по пансиону были только рады. Таким образом, Петтигрю остался единственным признанным представителем читательской аудитории Эймиаса Ли. Право считать себя таковым давал ему тот факт, что он рецензировал два его последних сочинения для некоего юридического журнала, и, вспомнив о том, сколько процессуальных ошибок нашел у автора, он возблагодарил издателей за то, что рецензии не были подписаны.

Однако все, особенно дамы, выразили безоговорочное мнение, что необходимо, не теряя времени, приобрести и прочесть все произведения мистера Вуда. Даже мисс Дэнвил, готовая ради такого случая разок спуститься с небес, не усомнилась в правильности такого решения. Намного интереснее, заметила она, прочесть книгу, будучи знакомой с ее автором. Мисс Браун свое согласие с этим суждением выразила неким нечленораздельным бормотанием. Однако здесь возникла трудность. Книги Эймиаса Ли не входили в число бестселлеров. И он сам скромно признался, что в настоящий момент их нелегко достать. Дефицит бумаги вынудил его издателей убрать их с рынка. Война вообще поставила писателей в весьма затруднительное положение. Конечно, можно еще

где-нибудь найти экземпляр по чистой случайности. Но в книжном магазине Марсерт-Бея нет ни одного — на днях он сам просмотрел там все полки. Нет, ни по одному из его произведений фильмов еще не снимали. Голливуд пока не выказал к ним интереса. Конечно, всякое может случиться, но ведь выбор книг так велик...

Все присутствовавшие разочарованно вздохнули. Иметь в своих рядах писателя — событие незаурядное, однако писатель, чье авторство приходится принимать на веру, не совсем то.

Очевидное решение проблемы предложила Веселая Вдова.

Веселой Вдовой была миссис Хопкинсон. Они с мисс Кларк вместе учились в школе, и этот факт придавал ей смелости обращаться с этой грозной женщиной без надлежащего пиетета, несколько даже дерзко, чего никто другой в управлении себе никогда бы не позволил. На удивление, мисс Кларк не только терпела подругу, но даже находила удовольствие в ее обществе. Они вместе почти каждый день совершали какие-нибудь вылазки, регулярно раз в неделю посещали кинотеатр и вне работы называли друг друга по имени. Больше всего миссис Хопкинсон подходило определение «веселая и беззаботная». По ее собственным словам, она была «всегда на подъеме». Ее природную миловидность, которую она, приложив немало стараний, сумела все-таки подпортить, выкрасив волосы в устрашающего оттенка бронзовый цвет, дополняли неистощимая жизнерадостность и хотя и вульгарный,

но добрый нрав, которому было трудно противиться. Лет ей было, как она любила, хохоча, сообщать, «ровно тридцать девять».

В тот самый вечер, когда двойственность личности мистера Вуда была разоблачена, она «заскочила», как делала частенько, в гостиницу поболтать с мисс Кларк и осталась поиграть в бридж. К обсуждавшемуся предмету миссис Хопкинсон, разумеется, проявила горячий интерес. Пока разыгрывался роббер, она говорила мало, но по тому, как она играла — а играла она еще более небрежно, чем всегда, — было видно, что голова ее занята отнюдь не картами. Как только роббер закончился, она, не удостоив ни словом извинения своего несчастного партнера, мистера Иделмана, встала из-за стола с видом человека, нашедшего великое решение.

— Я знаю, что делать! — объявила она. — Слушайте все! Мистер Вуд напишет новую книгу.

— Ну, я надеюсь, конечно, — снисходительно ответил мистер Вуд. — Но сейчас у меня нет времени для писательства. Здешняя работа...

— Нет-нет, мистер Вуд! — лукаво воскликнула Веселая Вдова. — Дослушайте до конца. Вы напишете новую книгу, и вся она будет про нас!

— Но, миссис Хопкинсон, ради бога! — Лицо мистера Вуда сморщилось в замешательстве. — Я не смогу! Я никогда не делаю реальных лиц персонажами своих книг. Так книги не пишутся. По крайней мере я так не делаю. Это невозможно объяснить, но... это... это...

— О, разумеется, я вовсе не имела в виду скромных маленьких людей, каковыми мы являемся! Не сомневаюсь, это было бы слишком скучно. Вы, естественно, всех нас выведете под маски — возможно, лишь легкими штрихами слегка проявив то, что есть в нас худшего, чтобы было интереснее. А потом мы все повеселимся, читая книгу и гадая, кто есть кто. Не сомневайтесь, у вас будет куча читателей.

— И куча исков, смею предположить, — пробормотал Петтигрю. Мистер Вуд застонал.

— Нет, серьезно, — вступила мисс Кларк своим низким голосом, — разве управление не представляет собой весьма подходящий антураж для одной из ваших историй, мистер Вуд? Я всегда воображала, что таинственные убийства происходят в больших домах, набитых людьми, чтобы как можно больше затруднить решение загадки. А здесь как раз огромный дом, и в нем полно народу. Я думаю, это именно то, что вам нужно.

— Ну да, — согласился мистер Вуд. — Не скажу, чтобы мне самому это не приходило в голову. Разумеется, пишущий человек всегда невольно высматривает подходящий антураж.

— Человек, пишущий книгу о нас! — победно воскликнула миссис Хопкинсон. — Я знала, что вы не устоите.

— Нет-нет! Ничего подобного я не говорил. У меня в настоящий момент и сюжета-то нет. Я сказал лишь, что согласен с мисс Кларк в том, что управление могло бы стать неплохим местом

действия для книги. Если бы у меня было время писать и был сюжет, конечно, — добавил он.

— Не сомневаюсь, вы легко находите сюжеты, — сказала миссис Хопкинсон с ослепительной улыбкой.

— Уверяю вас, далеко не всегда.

— Но мы вам в этом поможем, ведь правда? — обратилась она к присутствующим. — Давайте приступим к делу прямо сейчас. Кто у нас будет убийцей?

— Сначала надо решить, кого убьют, не так ли? — возразил мистер Иделман, в первый раз за все это время оторвавшись от газеты, в которую спасительно уткнулся, как только закончился роббер.

— Кого вы придумываете в первую очередь, мистер Вуд, — спросила Веселая Вдова, — убийцу или бедную жертву?

— Признаться, не могу сказать, — ответил встревоженный автор. — Никогда не задавался этим вопросом. Но вообще-то трудно придумать убийцу, не имея жертвы. Это как курица и яйцо.

— А правда, что вы всегда начинаете писать с последней главы? — поинтересовалась мисс Дэнвил.

— Разумеется, нет. Как можно сказать, чем окончится книга, если вы еще не начали ее писать?

— Не хотите ли вы сказать, — строго неодобрительно вклинилась мисс Кларк, — что можете начать писать книгу подобного рода, не зная, какой будет развязка?